

РОМАН ВАЛЕРИУС

КРОВЬ УРОБОРОСА

ОДИН ШАНС
СПАСТИ МИР —
НОЛЬ ГАРАНТИЙ
ВЫЖИТЬ



M
NOVA
FICTION

Роман Валериус

Кровь Уробороса

Серия «Нова Фикшн. Тайные города»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74548031

*Кровь Уробороса:
ISBN 978-5-17-123128-6*

Аннотация

Роман Валериус – вампир и журналист получает от верховного вампира Уробороса опасное задание: отправиться в зону боевых действий, где загадочная сила истребляет и людей, и сверхъестественных существ. Собрав команду из волколака-байкера, ведьмы владелицы стрип-клуба и вурдалака-кутюрье, Роман отправляется в путь – но почти сразу герои сталкиваются с чередой зловещих происшествий: от магической аварии на борту самолета до засады у Днепра и попытки отравления в отеле.

По мере продвижения к цели их ждут все более пугающие открытия: пустынный город, странные существа, таинственный инженер, которого по ошибке похоронили заживо, и, наконец, древний склеп, хранящий секрет амбициозного замысла по воскрешению мертвых и созданию нового человечества. На кону – судьба мира, а цена победы может оказаться слишком высокой.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Роман Валериус

Кровь Уробороса

© Валериус Р., 2026

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026



Во тьме – застывшей, мертвой, неживой – пела скрипка. Пела тихо, тонко, на одной-единственной ноте, словно горько, безнадежно плакала обиженная кем-то маленькая девоч-

ка. Я замер на миг, прислушиваясь, и понял, что это не девочка плачет, а душа, оторванная от тела и потерявшаяся в крошечной тьме. Скрипка все тянула и тянула одну тоскливую ноту, и вдруг умолкла, и откуда-то из пустоты донесся хрипловатый голос ветхозаветного патриарха, говоривший напевно, так, словно пытался воспроизвести музыку сфер, внятную, однако, лишь ему одному.

– Я вижу свою душу в зеркалах, – пел голос, – душа моя неслыханно мала, – пел голос, – не более бумажного листа, – пел голос, – душа моя неслыханно чиста...¹

Я узнал это пение и этот голос, он вел меня по темному длинному коридору, вел вернее любого компаса, вел единственным возможным путем, по узкой, невидимой во тьме тропинке, по обеим сторонам которой пространство обрывалось в бездну.

– Лужайка обрывалась с половины. За нею начинался Млечный путь. Серые серебристые маслины пытались вдаль по воздуху шагнуть...² – вдруг зазвенело у меня над головой.

Там, в пустоте, звучал уже совсем другой голос – не скрипка и не патриарх. Он выговаривал каждое слово, словно дошкольник, которого поставили на стул перед елкой пропеть рождественские стихи, и вот он их пел – наивно, по-детски, стараясь не пропустить и не перевернуть, чтобы мир устоял и

¹ Из поэмы Иосифа Бродского «Зофья» (1962 год). – тут и далее примечания автора.

² Из стихотворения Бориса Пастернака «Гефсиманский сад» (1949 год).

не обрушился в тартарары. И с каждым словом тьма пятилась, и свет впереди разгорался, и тропа ширилась, и отступала бездна по обе стороны от меня.

– Светильник светил, и тропа расширялась³, – прогремел первый голос, и из тьмы я наконец вышагнул в свет.

Но свет обманул мои надежды. Он не был бесконечным и всепоглощающим, он имел границы и формы. Это тоже был туннель, но только не черный, а сияющий настолько сильно, что в сиянии этом растворилось все вокруг. Форму и протяженность сияния я не мог разглядеть, но ощущал его всеми пятью чувствами – это был бесконечный слепящий коридор, издававший тихое шуршание, заглушавший и скрипку, и любые голоса, совершенно холодный и гладкий на ощупь; соленое на вкус, сияние терпко пахло железом. Голоса сгинули, пропали в пустоте, и я остался один.

«Так вот он, свет в конце туннеля, – подумал я. – Дошла, наконец, очередь и до меня...»

Пока вокруг царила тьма, было невыносимо страшно, но теперь, попав в свет, я воспрянул духом. Здесь не надо было даже двигаться, можно было просто лететь, и вот я летел вперед, и сияние несло вместе со мной, и пронизывало меня, и наполняло силой и восторгом – вечным, нескончаемым.

В сияющей этой вечности я вдруг ясно ощутил течение времени. Секунды неторопливо набухали, вытягивались и срывались вниз, как падают капли из неплотно закрытого

³ Из стихотворения Иосифа Бродского «Сретенье» (1972 год).

крана. Ба-ам... ба-ам... ба-ам!

Пока секунды одна за другой лопались рядом, что-то изменилось вокруг. Сияние уже не было таким чистым, к нему добавился багровый отсвет – дрожащий, угрожающий. Отсвет этот коснулся моих рук, и кожа моя закипела от боли, словно в костях моих скрывалась лава, которую наконец выпустили наружу. Пламя, пожиравшее меня изнутри, оказалось настолько мучительным, что я захрипел и скорчился от этой пытки. Кожа на ладонях вспучилась белыми пузырями, задымилась и начала истлевать, и весь я задымился, и стал чернеть, и рассыпаться в прах...

От непереносимой муки горло мое лопнуло и прорвалось диким воем, который тут же стих, словно его заглушили каким-то вселенским выключателем. Вслед за тем прорвалось вокруг меня и само сияние, и в прорывы эти заглянуло что-то невиданное, страшное, чему не было ни имени, ни формы. Страшное увидело меня и как будто застыло в раздумье, но лишь на одну-единственную секунду. Спустя мгновение из него с трудом протиснулась туманная багровая бабочка и неслышно порхнула прямо ко мне, охладив горящее лицо трепетанием крыльев.

Несколько секунд она соблазнительно порхала передо мной и вдруг случайно коснулась моих губ. Сердце мое стукнуло один раз и остановилось, и я умер, и сам стал бабочкой – красной, трепещущей...

Я вздрогнул и пришел в себя. Было утро, щеки моей ка-

сались прохладные нежные губы. Все плыло в каком-то маре, я различал лишь пронзительно-синие глаза, алый рот и зубы, такие белоснежные, каких не изготовит ни один дантист.

– Укусить хотела? – Я еще не пришел в себя после страшного видения и улыбался криво, принужденно. – Зубы обломать не боишься?

– Уже обломала, – сказала она печально. – Вообще-то, я поцеловать тебя хотела.

– И кто же тебе запрещает? – Голос мой звучал фальшиво, и улыбка тоже вышла кривой и фальшивой.

– Ты, – сказала она, и у меня защемило сердце, – ведь ты меня совсем не любишь.

Я откашлялся: Уроборос⁴ Предвечный, опять она за свое!

– Почему не люблю, – пробормотал я, – у нас ровные деловые отношения.

Конечно, говорить такое женщине нельзя даже в шутку, и, похоже, с шутками я сегодня перебрал. Но она, кажется, даже внимания не обратила на мои слова. Ей не важно было, что я говорю, важно – что чувствую. А чувствовал я... Как бы это поточнее сказать? А вот как – ничего я не чувствовал! Ровным счетом ничего, кроме насилия и принуждения, которое сам же над собой и производил.

Что за насилие, скажете вы, и как мог я сам над собой его

⁴ Уроборос – именно так, с ударением на последнем слоге, произносят дваждырождённые имя властелина Вселенной.

производить? Очень просто, отвечу я: все дело в том, что Анна любит вашего покорного слугу, а я к ней совершенно холоден. Холоден, как мрамор, как лед, как восставший из могилы покойник. Страшнее всего тут то, что Анна добрая, умная и немыслимая красавица – и такую женщину я не люблю!

Здесь надо кое-что уточнить: когда я говорю, что Анна – немыслимая красавица, это значит, что так оно и есть, без всяких там скидок на мужское бахвальство. Ее бы в Голливуд отправить, она бы в два счета сделала тамошних красоток со всем их силиконом, пластикой и штукатуркой в три слоя. Ей бы даже косметика не понадобилась.

Анна так очаровательна, что ее трудно описать. Ну, скажем, представьте себе юную Лив Тайлер, только в десять раз красивее. Что же касается фигуры – она у нее как у Деми Мур в фильме «Стриптиз». И вот такую женщину я не люблю. Ну не извращенец ли я? Увы, нет. Почему увy? А потому что был бы я извращенец, это хоть немного бы меня извиняло. Однако женщины вообще мне нравятся, а вот Анна – нет. Как говорится, сердцу не прикажешь – даже такому сердцу, как мое.

Но если я ее не люблю, то что я делаю в ее постели? Может, она богата, а мне нужны деньги? Или мне нравится, что рядом со мной такая красавица, и это льстит моему самолюбию? Ни то, ни другое, а совсем даже третье. Меня влечет сюда благодарность и ложно понятое чувства долга.

Пока я думаю об этом обо всем, Лив Тайлер с фигурой Деми Мур смотрит на меня, как, бывает, смотрит на хозяина кошка — молча и неотрывно, словно в нем воплотился весь мир. И, конечно, читает на моем лице все мои чувства.

— Если бы вы захотели быть моим учеником...⁵ — говорит она печально.

Эту строчку из Цветаевой она повторяет часто, но толку от нее никакого. Не хочу я быть ни ее учеником, ни, подавно, учителем, хотя примерно раз в месяц все-таки прихожу к ней в гости. Раз в месяц — а хотел бы еще реже. Рядом с ней меня всегда охватывает томление и тоска, а потом приходят страшные видения.

Заметив, как дрогнуло мое лицо, она говорит торопливо:

— Прости, это я во всем виновата. Из-за меня ты стал...

— Я знаю, кем я был, и знаю, кем я стал, — говорю я и сажусь на просторной кровати, на которой так хорошо спалось бы счастливым влюбленным, но совсем не спится нам. — И если ты намерена всю оставшуюся вечность просить у меня прощения, вспомни, что судьбу не переспоришь.

Сказав эти банальные и грубые, в сущности, слова, я быстро одеваюсь и молча иду в прихожую. Анна меня не провожает. Обиделась, может быть? Я был бы только рад. Не потому, что мне нравится обижать женщин, а потому, что это был бы повод для разрыва. Но она не обиделась, просто осталась сидеть в спальне на кровати, где так хорошо спалось бы

⁵ Из стихотворения Марины Цветаевой «Я сейчас лежу ничком...» (1913 год).

влюбленным и совсем не спится нам.

Наверное, она так и будет сидеть тут целый месяц, пока я снова к ней не приду, чтобы опять терзаться смутной тоской и спрашивать себя, что я тут делаю. Ладно, черт с ним! Как верно сказал кто-то – уж и не помню кто, – неприятности надо переживать по мере их поступления.

Лифтов я не люблю – они напоминают мне гроб, в который рано или поздно придется все-таки лечь, – и потому, оказавшись на лестничной площадке, сбегая по черной лестнице, каменной, гулкой. Спускаясь вниз, слышу, что к топоту моих ботинок примешался посторонний звук: саднящий, тонкий и чем-то смутно знакомый. Где-то я этот звук уже слышал – притом чуть ли не сегодня ночью. Встаю на лестнице как вкопанный и слушаю. Звук течет сверху и напоминает голос скрипки – как если бы кто-то неопытный завел на ней одну высокую и тоскливую ноту.

Я холодею: этот звук явился мне в ночном кошмаре, а ночные видения имеют неприятное свойство сбываться.

Внутренний голос глухо твердит мне, что, когда рядом плачет ребенок, нечего торчать как пень – надо срочно бежать прочь, потому что ребенок этот не мой, а от чужих детей одна морока, не говоря уже об опасности, которую несут эти маленькие любопытные разбойники таким, как я.

Но кто же, скажите, слушает внутренний голос – никто и никогда! Я в этом смысле не оригинален и, движимый любопытством, иду наверх – туда, где плачет скрипка из моего

видения. Об этом своем опрометчивом шаге я, безусловно, очень скоро пожалею.

И точно! Двумя этажами выше на лестничной площадке в углу скорчился маленький, лет восьми, чумазый неандерталец, в обтерханном, пятнистом от грязи и старости пальто, черных мохнатых штанах и огромных серых кроссовках. Именно он издает тоскливый тонкий звук, который я по своей музыкальной неопытности сравнил со скрипкой.

Увидев меня, первобытный человек умолкает и съеживается, пытаясь весь, вместе с головой, унырнуть в свое большое не по размеру пальто. Он, надо сказать, очень старается, но у него не очень выходит. Наконец, отчаявшись, он замирает, вытаращив на меня черные первобытные глазенки.

– Не убивайте, дяденька, – пищит он испуганно.

Я вздрагиваю: внутренний голос как в воду глядел – нахлебаюсь я горя с этим пискуном.

– Что болтаешь, дурак! – говорю я сердито. – С чего ты взял, что я тебя убью?

– У вас глаза злые, – отвечает этот негодяй.

Приятно услышать такое от ребенка. Ты, может быть, думаешь про себя, что ты ангел во плоти, а он тебе: у вас глаза злые! Пришлось нахмуриться и сказать, что глаза у меня не злые, а суровые. Как пелось в русской народной песне: взгляни, взгляни в глаза мои суровые – ну, и так далее. А вообще говоря, что он тут делает, сидя на лестнице?

– Греюсь я, – бормочет мой неожиданный конфидент.

Отличный ответ. Он, видите ли, греется. Действительно, где же и греться, как не на холодной каменной лестнице?

– А скажи-ка мне, прелестное дитя, как тебя звать?

– Ну, предположим, Сашка, – бурчит косматое чудо-юдо.

– А фамилия?

– Предположим, Шварц.

Я начинаю злиться. Так и будем каждое слово клещами тянуть?

– А позволь узнать, уважаемый Сашка Шварц, где твои достопочтенные родители?

– Нету родителей. – Вид у Сашки делается хмурый. – Сирота я, как есть сирота, и совершенно круглая к тому же.

Я вздыхаю: только совершенно круглой сироты на руках мне сейчас и не хватает для полного счастья.

– Ладно, – говорю я, – нечего тебе тут сидеть. Пойдем, я тебя в полицию отведу.

– Выкуси, дяденька! – неожиданно отвечает маленький дикарь и демонстрирует мне маленькую и довольно грязную фигу.

Выкусывать что бы то ни было я совершенно не готов и пытаюсь прояснить ситуацию.

Оказывается, в полиции Сашка уже был и ничего хорошего ему там предложить не могут – только в приют отправить. В приюте, впрочем, он тоже был, благополучно сбежал оттуда и второй раз не вернется туда ни при каких обстоятельствах.

– Лучше убейте, – деловито предлагает он. – А нет, так усыновите.

Ага, усыновите! Может, тебе дать еще пароль от кредитки, где деньги лежат?

– Извини, друг, но нет у меня полномочий тебя убивать, – отвечаю я совершенно искренне. – И усыновить тоже не могу – по целому ряду обстоятельств, о которых знать тебе не обязательно.

Сашка Шварц в ответ насупливается, как сушеная груша, и велит мне идти куда подальше и не отвлекать занятых людей от серьезного дела. После этого он поплотнее укутывается в свое волосатое пальто и снова затягивает одну тоскливую ноту. Впрочем, нет, нота уже не одна, их несколько, и я, кажется, даже различаю дизезы и бемоли.

– Ходят ко-они... над реко-ою... ищут ко-они... водо-по-ою, – невнятно подвывает он, и из воя этого понемногу рождаются слова. – Иэх! Как же коням бы-ыть? Ко-они хочут пи-ить...⁶ И есть, – добавляет он тонким голосом.

Последнего слова я не ждал, и сердце у меня замирает.

Прав Сашка, прав: пора уже мне идти лесом. В конце концов, у нас есть полиция, органы опеки и прочие учреждения, которые как раз и занимаются такими вот маленькими лишенцами. Так поступил бы на моем месте всякий, но я, леший меня подери, так поступить не могу. Я с детства жалел брошенных котят, а сидевший передо мной на полу Саш-

⁶ Песня из кинофильма «Бумбараши», 1971 год.

ка Шварц был именно что брошенным котенком, только без хвоста и не такой мохнатый.

Я гляжу на часы и понимаю, что на работу опаздываю совершенно зверски. Тащить мальчонку с собой нельзя, отвести его ко мне домой – далеко. Прости, Аннушка, придется, видно, злоупотребить твоим ангельским терпением...

Когда я снова позвонил ей в дверь, она, кажется, даже не удивилась. Есть, знаете, такие женщины – ничему не удивляются и все принимают как должное. Она стояла на пороге и смотрела на меня нестерпимо синими своими, словно летнее небо, глазами. Потом перевела их на Сашку.

– Познакомься, это Саша, – представляю я ей свое новообретенное сокровище.

– Да не просто Саша, – лезет вперед нахальный оголец, – а, натурально, Саша Шварц. Прошу любить и жаловать, и все такое прочее!

Я тоже прошу Анну, но не любить и жаловать Сашку, а просто приютить его на несколько часов. Вечером приду – заберу.

– Здравствуй, Саша, – безмятежно говорит Анна. – Сколько тебе лет?

– Пес его знает, – бурчит Сашка. – А вам не все равно?

Анна вздыхает, смотрит на меня. Я развожу руками.

– Ладно, – говорит она. – Проходи в дом, гостем будешь.

– Салфет вашей милости, красота вашей чести. – Мальчишка кланяется ей в пояс и важно следует внутрь.

А он не прост, твой подкидыш, читаю я в ее глазах перед тем, как дверь закрывается перед моим носом.

Вниз я еду уже на лифте – черт с ней, с клаустрофобией! Второго такого Шварца я сегодня уже не выдержу.

Только выйдя на улицу, я вспоминаю, что Сашка голоден, а Anne, разумеется, угостить его нечем, если только он не любитель охлажденной крови. Ничего, в конце концов, можно и в магазин сбегать. Главное, чтобы она сама не решила им закусить. Но, разумеется, этого просто не может быть. Я Анну знаю, закон она блюдет, и кормиться малознакомыми детьми – совершенно не в ее духе.

Вызываю такси. За окном моросит мелкий дождик, но дорога почти свободна, и спустя четверть часа я каменным шагом пушкинского Командора вхожу в редакцию «НН».

«НН» – это, как легко догадаться, сокращенное название газеты, где я вершу свой трудовой подвиг. Полностью оно звучит несколько странно – «Неизвестные новости». Каким еще и быть новостям, как неизвестным? Известные новости – это, извините, уже не новости никакие, а пережеванное дерьмо. Правда, есть еще версия расшифровки загадочной аббревиатуры – «Незнакомые новости». Или даже так – «Новейшие новости». Короче говоря, общий смысл такой, что новости наши – самые новые, эксклюзивные, и гадили мы на всех с высокой елки.

На самом же деле у нас, точно так же как и везде, шерстят

разные ленты новостей и копируют⁷ чужие информашки и лонгриды⁸, только добавляют в текст дополнительных вкрай и вообще переписывают его так, что ни мать родная, ни даже бабушка не узнает. Ссылок на оригинал, естественно, тоже не дают – перетопчетесь! Вот так оно и выходит, что новости у нас все сплошь никому не известные, незнакомые и новейшие. Еще пару лет назад газета называлась гораздо проще: «Медийный эксклюзив», потом главный решил, что сокращение – «МЭ» – звучит неблагозвучно. О чем и сообщил на очередной планерке всему нашему дружному коллективу.

– На «ме-е» похоже, – сказал он, яростно сверкая глазами из-под очков, – как будто овцу пришибли и на шашлык отправили!

– Эту овцу не пришибешь, – заметил я примирительно. – Эта овца сама всех пришибет и на шашлык отправит.

Однако голос разума не был услышан, и новое название – «НН» – приняли единогласно при одном воздержавшемся.

– Да чего ты выпендриваешься, хорошее название, по звуку на CNN похоже, – сказал мне после планерки ответсек Валуша, плотный бородач с длинными, как у Буденного, усами, выращенными в ближайшем барбершопе за сравнительно небольшие деньги.

⁷ Копипаст – от английского copy-paste, то есть «скопировать и вставить»; метод создания собственного материала из чужих.

⁸ Лонгрид – от английского long read, долгое чтение; большой текст о чем угодно и в любом жанре в противоположность новости или информашке, которая обычно сильно ограничена в размерах.

– По звуку, может, и похоже, а по содержанию как были мы овцой, так овцой и остались, – отвечал я. – Ты сам подумай – «Новейшие новости»! Название – радость олигофрена, сразу видно, шеф лично постарался.

Валюша посмотрел на меня с укором, покачал головой и пошел от греха подальше. Народ никак не привыкнет, что я в газете на особом положении и говорю вслух такое, о чем другие и подумать боятся. Впрочем, мсье-дам, удивляться не приходится: в нашем кефирном заведении ваш покорный слуга – звезда первой величины. Публицист, эссеист, колумнист, веду популярную колонку «Социопатия». Пишу, в общем-то, обо всем на свете: тут, как легко догадаться, не тема рулит, а манера изложения. В последнее время, правда, политику не трогаю. Очень они стали обидчивые, эти политики, чуть чего – за решетку норовят упечь. Впрочем, все прочие тоже сделались нервнобольными – от режиссеров до актуальных художников. Юмор от сатиры не отличают, а уж правду о себе слышать не хотят просто категорически.

Пару дней назад, например, написал я колонку о новой выставке акциониста Г. Ничего не приукрашивал, писал чистую правду. Начало было такое:

«С тех пор как изобрели так называемое актуальное искусство, необходимость снимать штаны посреди улицы и испражняться прилюдно отпала окончательно. Это лишний раз блистательно доказывает своим творчеством известный в узких кругах самодельный культуртрегер и акционист Г...»

Ну, скажите мне, какой нормальный человек будет на такое обижаться? Но в том-то и дело, что Г. никогда нормальным-то и не был, а всегда был акционист и актуальный художник.

Когда колонка вышла, эта сволочь позвонила в редакцию, в секретариат, и визжала, как сотня резаных поросят. Жаловался, гад, что в моем изложении даже высокое слово акционист звучит как онанист и сексуальное меньшинство, а под конец пригрозил подстеречь вашего покорного слугу на просторах нашего отреноваченного града и прицельно бросить в меня коктейлем Молотова – Риббентропа. Да и главное, не только бросить, но и попасть при этом. Чтобы, говорит, разорвало его на тысячу кусочков.

Но не на таковских напал, метатель поганый. У нас в секретариате тоже девчонки сидят не лыком шитые.

– Мы, – говорят ему девчонки, – должны предостеречь вас от этого акта экстремизма, поскольку за подобные экзерсисы сами знаете кто выпишет вам двухшечку, а то и трешечку.

Тут Г., конечно, сразу приутих и повесил трубку.

– Эти акционисты смелые, только если нужно где-то нагадить или яйца к земному шару приколотить, – жалуется мне потом Леля из секретариата, – а меня как девушку такая простота оскорбляет.

– Ты ж моя лапка, – ласково говорю я ей и тем, кажется, совершенно примиряю с жестокой действительностью.

Так или иначе, фигура я в газете заметная, наверное по-

ловину всех подписчиков даю, если не больше. Вот поэтому мне и можно то, чего другим нельзя. Впрочем, не только поэтому.

Отпустив такси, я поднимаюсь на родимый второй этаж и направляюсь к себе.

Внутреннее устройство газеты у нас старинное, еще с прошлого века осталось. Многие редакции нынче представляют собой один огромный ньюс-рум, где все сидят друг у друга на головах. Тем более, голова сейчас – это последнее, что нужно журналисту в его работе, а нужны ему ловкие пальцы: выделить в сети чужой текст, копировать и затем вставить, куда нужно, чтобы после небольшой вивисекции выдать уже за свой.

Наша же редакция по внешнему виду совсем иная. Выглядит она так: белый, как рафинад, коридорчик, по правую сторону от которого – кабинеты для завотделами и иного начальствующего элемента, а по левую – большие комнаты для рядовых журналюг и прочего пролетариата. У меня кость белая, я обозреватель, так что мне положен свой кабинет. А раз положен – я в нем и сижу. Когда, разумеется, бываю в редакции.

Итак, пока я иду к своему кабинету, сотрудники газеты смотрят на меня как на выходца с того света, для чего, признаюсь, есть некоторые основания. Однако они этих оснований знать не могут, поэтому взгляды их меня немного беспокоят. Я ловлю за рукав пробегающего мимо корреспондента

отдела политики Шкрябина:

– Арик, что-то случилось?

– Случилось-приключилось, – поет Шкрябин, вид у него при этом самый загадочный. – Ты к главному заходил?

К главному я, разумеется, еще не заходил. Во-первых, я главного не люблю и нелюбовь эта взаимна. Во-вторых, я только что появился в редакции.

– А вот и зря, он тебя ждет, – говорит Шкрябин, пытаюсь высвободить рукав из моих цепких пальцев. – Ты зайди, зайди, сам все узнаешь.

И уносится, собака, на всех парусах, так и не сказав, почему меня ждет главный и что такого ему от меня надобно. Вдохнув, я открываю кабинет, снимаю и бросаю на вешалку куртку, включаю, потом, подумав немного, выключаю компьютер и с чистой душой направляюсь к главному.

Подхожу к помпезной, словно из администрации президента стыренной двери, киваю секретарше:

– У себя?

– С утра ждет, – строго, как настоящая пергидрольная блондинка, отвечает та.

– Какой же я все-таки незаменимый человек, – вздыхаю я и, стукнув в дверь для приличия, торжественно вхожу внутрь.

У дальней стены кабинета за монументальным дубовым столом темнее тучи сидит наш главный редактор Пал Палыч Олонёцкий. Если попытаться описать внешность Палыча ко-

ротко, я бы сказал, что основной его чертой является богатство. Богатство это прет у него буквально отовсюду: из очков ценой в хороший мотороллер, из отглаженной – волосок к волоску – седеющей бороды, из галстука, из бордового пиджака в золотую искру, из дорогих ботинок, из каждого предмета туалета, и в особенности же – из презрительных взглядов, которыми он награждает окружающую действительность.

– А, – говорит он, глядя на меня и брюзгливо поджимая губы, – явилось его высочество. Соизволило-таки!

Я сокрушенно вздыхаю. Мы уже раз сто говорили с Палычем, что на летучках и планерках всей пользы от меня – один вред. Так какой же, скажите, смысл мне являться ко времени, если время это...

Но шеф меня не слушает, а швыряет на стол розоватый листок-распашонку, на левой стороне которого я не без удивления читаю слова «Мобилизационное предписание». Если верить этому предписанию, то не хрен собачий, а Конституция РФ требует от меня в течение восьми часов явиться по указанному ниже адресу. Который, как легко догадаться, полностью совпадает с адресом моего районного военкомата.

Любому другому на моем месте, конечно, сделалось бы томно, но я лишь пожимаю плечами.

– Что за фантазии? – говорю я. И строго добавляю: – Ваших рук дело, почтеннейший Пал Палыч?

Подозрения мои имеют под собой некоторое основание. Несколько месяцев назад, вскоре после начала боевых действий, шеф вызвал меня к себе и спросил:

– Хочешь быть военкором?

При этом глазки из-под очков у него так сияли, а лицо было такое хитрое, как будто он не военкором мне быть предлагал, а поучаствовать в распиле крупного государственного предприятия типа «Газпрома».

Легко догадаться, что я мог ему на это ответить. Чудило ты бородатое, мог бы ответить я, какой из меня военкор? Я человек утонченный, моя специальность – искусство, изящная словесность и все в этом роде.

Но говорить так грубо по некоторым причинам не следовало, поэтому я смягчил ответ.

– Пал Палыч, – сказал я как можно мягче, – какой из меня военкор? Я человек утонченный, не люблю, когда у меня над головой ракеты летают.

И все-таки не удержался, добавил: «Чудило ты бородатое!» Но добавил не вслух, а про себя. Но, кажется, Олонецкий прочел эти слова в моих глазах и затаил некоторое хамство. И теперь, похоже, пришло ему время со мной сквитаться. Не хочешь быть военкором – пойдешь мобилизованным.

– Распишись в получении, – велит главный и подталкивает ко мне ручку.

Я ручку, конечно, беру, но расписываться не тороплюсь. Полагаю, в этих обстоятельствах меня поймет почти любой.

Меньше всего мне хочется оказаться на поле боя, где под свист пуль и громоыхание снарядов рыщет костлявая с косой.

– Все-таки очень странно видеть такое, – говорю я, вертя в руках предписание. – Я полагал, что у нас бронь.

– У всех бронь, а у тебя, как видишь, нет. – Очки шефа золотятся злорадством, он старается сохранять спокойствие, однако все-таки не выдерживает и бьет кулаком по столу: – Довыёживался, сукин сын! Всё твои либеральные высеры! И хорошо, что тебя возьмут, хоть газету трогать не будут.

Я хочу сказать, что он меня с кем-то путает: не было у меня никаких высеров – ни либеральных, ни консервативных. Но кишечная тема сворачивается сама собой: я замечаю в нижнем углу предписания небольшую литеру «А».

Ситуация начинает проясняться. Предписание пришло не из военкомата, а из Администрации. Правда, не из той администрации, которую отдельно взятые лошадиные лица зовут апэшэчкой, а прямо из логова Уробороса. А если так, расспрашивать главного бессмысленно – он все равно ничего не знает.

Я молча ставлю подпись, встаю из-за стола и, ни слова не говоря, направляюсь к двери.

– Давай-давай, – вслед мне кричит главный, – иди позацищай Родину-мать, если не хочешь, чтоб тебя в иностранные агенты записали!

Пал Палыч, как всегда, несет полную чепуху. Защитник родины из меня такой же, как иностранный агент, то есть

никакой. Ни иноагентом, ни защитником родины я не могу быть по одной простой причине: все вампиры – экстерриториальны.

А я, как вы уже, наверное, догадались, не кто иной, как вампир.

* * *

Логово Уробороса или, говоря официально, Администрация, располагается за чертой города, в области. Адрес, разумеется, я вам не назову. Не назову даже направления – да и никто не назовет: зачем смертным знать, где гнездится главный кровосос современности? Как говорит пословица, много будешь знать, скоро состаришься. А в нашем случае даже состариться не успеешь – просто оторвут голову хорошие люди, и фамилии не спросят.

Вернее всего, конечно, было бы развернуть крылья, взмыть в поднебесье и в десять минут долететь до места, но я поехал электричкой. И не потому, что дешевле, а потому что у нас, дваждырождённых, никаких крыльев нет. Так, чешется иногда что-то между лопатками, но ничего не развивается. Возможно, с течением вечности, когда мы, наконец, созреем, из этого почесывания что-нибудь да образуется. Хотя, на мой взгляд, надежды мало.

Другое дело – Первородные: у них, говорят, крылья были. Впрочем, у Первородных много чего было, чего нет у нас, –

вот только загвоздка в том, что Первородных на земле не осталось. Совсем, или, если вам так больше нравится, вообще.

Зато остались мы, дваждырождённые. То есть те, кто сначала был человеком, а потом умер и воскрес к новой, вечной жизни. Эта идея о новой жизни, надо сказать, совсем не нова. В разных культурах она отражается по-разному. В древнерусском языке, например, есть слово «пакибы́тие», связанное с крещением и, таким образом, вхождением в новую, чистую и в перспективе даже вечную жизнь. Но жизнь эта вечная случится только после Страшного суда, когда мертвые восстанут и облекутся плотью, а ждать этого, по самым скромным прикидкам, надо тысячи лет. У нас же, вампиров, праздник вечной жизни уже начался. Вот только не всегда можно понять, хорошо это или плохо.

Впрочем, насколько она вечная, эта жизнь, тоже никто толком не знает. Когда исчезли Первородные, мы, вампиры второго ряда, остались один на один с самими собой и своими скудными представлениями о нашем месте во Вселенной. До Катастрофы – а именно так мы зовем момент, когда сгнули высшие вампиры, – так вот, до Катастрофы нашими скромными персонами никто не интересовался. Я сам Первородных не застал, но те, кто постарше, говорят, что к нам, дваждырождённым, они относились пренебрежительно и рассматривали в лучшем случае как обслуживающий персонал. Считается, что как раз для этого нас и начали обра-

щать – чтобы Высшим не бить попусту свои белые руки, выполняя грязную, но необходимую работу.

Никто не знал, откуда взялись Первородные, где граница их возможностей, действительно ли они вечны и можно ли вообще их убить. На последний вопрос, впрочем, был дан недвусмысленный ответ 6 августа 1945 года, когда на Хиросиму упала атомная бомба «Малыш». В адском пламени тогда сгорели не только тысячи простых смертных, но и все Первородные, прибывшие на закрытую конференцию по послевоенному устройству мира.

Как вышло, что «Малыш» попал именно в то место, где собрались все высшие вампиры, никто не знает. Однако в случайность, кажется, верят очень немногие. На этот счет разные ходят слухи. Одни думают, что все дело подстроили Низшие, то есть ведьмы и оборотни, другие винят дважды-рождённых, которым надоело быть прислугой, и они решили занять место Первородных. Есть и такие, которые полагают, что взрыв организовал кто-то из Высших, – кто-то, кто надеялся после смерти собратьев стать единственным полновластным диктатором на Земле. Но то ли этот кто-то сам ухитрился попасть в зону взрыва, то ли, ужаснувшись содеянному, затаился в какой-нибудь берлоге и не показывает себя. Так это или нет, я не знаю. Однако ходят упорные слухи, что не все Первородные погибли, что некоторые из них укрылись в глубочайших подземных пустотах. У них там что-то вроде Шамбалы и мирового правительства. Я, одна-

ко, не очень верю в эту версию. Чего ради им прятаться под землей, бросив мир на произвол судьбы?

Так или иначе, официальная версия гласит, что ни один первородный атомного взрыва не пережил.

Итак, Высшие были стерты с лица земли, а созданные ими дваждырождённые оказались на самой вершине пищевой цепочки. За десятки лет, прошедших с Катастрофы, так и не удалось понять главного – действительно ли мы способны жить вечно или все-таки медленно, но верно старимся и рано или поздно умрем, так сказать, от естественных причин. Чтобы выяснить это опытным путем, полагаю, потребуется несколько сотен, а то и тысяч лет.

К слову сказать, те, кто остался в живых после Катастрофы, тоже делятся на две категории – дваждырождённых и преждерождённых. В широком смысле дваждырождённый – это любой вампир, когда-то бывший человеком. Преждерождённый же – тоже вампир, бывший человеком, однако его обратил не дваждырождённый, а Первородный. Дваждырождённый в узком смысле – это тот, кого обратил не Первородный, а преждерождённый, ну или другой дваждырождённый. С точки зрения физиологии и возможностей разницы никакой, простые дваждырождённые ничем, кажется, не уступают преждерождённым. Однако некий почтительный флер над последними все-таки витает. Так бывает и у людей, когда старые пердуны требуют от молодых отдельного уважения и признания своих особенных заслуг на том только основании,

что небо они копят несколько дольше всех остальных.

Именно поэтому в Администрации и в других ключевых местах сидят не простые вампиры, а преждеждённые, то есть гипотетически власть над миром находится у них в руках. Но это только гипотетически. Во-первых, преждеждённых меньше. Во-вторых, они отлично знают, что злоупотреблять властью не надо, иначе их тут же попросят на выход. Все дело в том, что дваждырождённого – и преждеждённого в том числе – убить гораздо легче, чем Первородного. Ни кол в сердце, ни пуля тут, конечно, не помогут – крепость и способность к регенерации у нас поистине вампирическая. А вот противотанковая мина, ракета или даже крупнокалиберный снаряд вполне способны разорвать дваждырождённого на куски и тем самым сильно подорвать его здоровье – вплоть до того, чтобы отправить на ту сторону тьмы.

Тотем вампиров – змей вечности Уроборос. Мы зовем его именно так, с ударением на последний слог. Он достался нам в наследство от Высших и до сих пор вызывает некоторый трепет и неясные упования у всей кровососущей публики. Неудивительно, что вставший во главе Администрации вампир из числа преждеждённых носит официальный титул Преждеждённого главы, а неофициально зовется Уроборосом. При этом сам он любит, чтобы его титуловали Уроборос Изначальный. Спасибо хоть не Уроборос Предвечный – символическая фигура, которая в нашей системе координат

примерно соответствует человеческому Богу, или, раз уж мы порождения тьмы, скорее, Люциферу.

Впрочем, беллетристы и киношники нас сильно и незаслуженно демонизируют. Да, после обращения мы испытываем некоторую неприятную жажду, с которой трудно бороться, и да, мы питаемся кровью, предпочитая при этом кровь человеческую. Однако ни в каких демонов и монстров мы не превращаемся и, с точки зрения стороннего наблюдателя, остаемся примерно такими же, как были. Если был ты говнюк, говнюком и останешься, вот только возможности гадить по периметру у тебя несколько вырастут. Люди же приличные становятся приличными вампирами – если, конечно, вычешь дурную привычку сосать чужую кровь.

Хотя, говоря откровенно, тут я не совсем прав. Даже для людей порядочных переход в состояние дваждырождённого – тяжелое испытание. Сила, скорость, неуязвимость – все это провоцирует разборки с нехорошими людьми, которые обижали вас, еще когда вы были простым смертным. Однако на этот случай и существует Администрация, в задачи которой, помимо прочего, входит поддержание гармонии между вампирами и другими формами жизни, включая в первую очередь смертных.

Первые наставления новообращенному дает тот, кто его обратил. Он вкратце объясняет устройство нашего мира, рассказывает о том, что можно и что нельзя. Обычно эти душевспасительные разговоры – что мертвому припарки. Кры-

ша, у большинства людей и так некрепкая, при обращении едет окончательно. Желания, которые испытывает новорожденный вампир, обычно не слишком разнообразны: пойти ограбить банк, оторвать башку врагам, изнасиловать всех женщин и далее в том же роде. И вот, пока он не успел пойти во все тяжкие, за него берутся вампопсихотерапевты или просто вампси.

Это вампиры, чья способность к убеждению находится на очень высоком уровне. При некотором усилии вампси способны загипнотизировать человека и заставить его сделать такое, чего по собственной воле он делать никогда бы не стал. Правда, повлиять на дваждырождённого труднее, чем на человека, а заставить его делать то, что он не хочет, не могут даже вампси. Зато вампси могут убедить его не делать то, чего делать не следует, а также адаптируют мозги и психику новорожденного к его новому состоянию.

После этого новообращенного доставляют в логово Уробороса, где за него берутся здешние бюрократы. Используя отборный канцелярит, по необходимости разбавляемый угрозами, они объясняют, что будет, если новорожденный вампир решит мочиться против ветра... то есть, пардон, осмелится пойти против заданного порядка вещей.

И, наконец, воспитательный процесс завершается тем, что новому вампиру дают подписать договор, который опытные дваждырождённые называют «Три “НЕ”». В бумаге этой много запретительных мер, но главными являются первые

три пункта:

1. Не убивать вампиров (без разрешения Администрации).
2. Не убивать людей (опять же, без разрешения Администрации)

И наконец...

3. Не обращать людей в вампиров (тоже, как легко догадаться, без разрешения Администрации).

Нарушение любого из этих трех пунктов чревато отрыванием лихой вампирской головушки и последующим переводом провинившегося на ту сторону тьмы. С чего вдруг такие строгости, спросите вы? Очень просто. По мнению Уробороса – но не Предвечного, конечно, а главы Администрации, – нарушение этих пунктов способно пошатнуть установленный порядок вещей. Поэтому, если новообращенный все-таки решается на дерзость, на него немедленно находится укорот. Мораль сей басни такова: дражайшие дваждырождённые, если вечная жизнь вам дорога, будьте любезны, исполняйте все требования и не нарушайте вампирских циркуляров.

Я говорю все это так легко и весело вовсе не потому, что это действительно легко и на самом деле весело. Все это довольно страшно и весьма отвратительно, особенно если учесть методы святой Инквизиции – так у нас называется служба, карающая провинившихся вампиров. Так, впрочем, она называлась и всегда. Однако в средние века она просла-

вилась в первую очередь преследованием ведьм – но только потому, что в вампиров тогда никто еще не верил. Ну, не то чтобы совсем не верил. Их – то есть нас – считали восставшими из гроба бессмысленными жмуриками, а не высокоорганизованными и чрезвычайно опасными существами, какими они – то есть мы – и являемся в действительности.

Согласно официальной версии, в XIX веке Инквизиция была упразднена, а на самом деле просто переведена в сверхсекретный режим. Священная Конгрегация, которую поставил на ее месте папа Пий X, не имеет уже никакого отношения к Инквизиции и знаменует собой окончательный разрыв Первородных с руководством католической церкви.

Что же касается моей легкомысленной манеры разговора об этих чудовищных материях – это, если хотите, громоотвод от мирового гнева, источником которого для нас служит Инквизиция.

Впрочем, не все так страшно. Законопослушному вампиру ничего не грозит – или почти ничего. Конечно, параноиков в Администрации хватает, но, говорят, у самого Уробороса мозги ясные и власть ему в голову не бьет. Тем неприятнее попасть в зону его пристального внимания. Что нужно от меня главе Администрации и почему он выбрал такую оригинальную форму вызова? Нет, я не ждал, что мне просто позвонят, – они там жуткие формалисты, бумажка к бумажке – но с чего вдруг мобилизационное предписание?

Пока я думал, в электричку зашла и села прямо напротив

меня очаровательная юница лет восемнадцать. Строго говоря, юница была вполне заурядная, однако молодость придает очарование любому почти человеческому субъекту, в особенности – барышне. Современная же косметика пошла так далеко, что даже из обычной дурнушки способна сделать красавицу, надо только не стесняться и накладывать штукатурку достаточно толстым слоем.

Однако меня в данном случае подкупили не юные черты и не модная прическа, а книжка в руках девушки. Книжка настоящая, бумажная, а не цифровая, и уж подавно не смартфон.

Я позволил себе немножко наклонить голову и прочитать название. Бог ты мой, Вильям наш Шекспир, «Трагическая история о Гамлете, принце датском»! Я бы еще понял, если бы это были «Ромео и Джульетта», – о чем и читать в столь юном возрасте, как не о любви, – но «Гамлет»? Нет, это, положительно, необычная девица, и нам с такими по пути.

Как вы, конечно, знаете, вампиры любят изящные искусства, в том числе, разумеется, и литературу. Это правда, но лишь отчасти. Известно, что Первородные к искусствам были почти равнодушны. Хотел бы сказать, что именно по этой причине им шмякнулась на голову атомная бомба, но подозреваю, что дело тут значительно сложнее.

А вот мы, дваждырождённые, искусство, действительно, любим. Во-первых, искусство напоминает нам о временах, когда мы были людьми, то есть фактически детьми – пусть

смертными, однако беспечными, жизнерадостными, верившими в спасение души и воскресение мертвых. Во-вторых, как верно гласит поговорка: арс лонга, вита брэвис – жизнь коротка, искусствоечно. Рискую прожить вечную жизнь, начинаешь особенно ценить то, что составит тебе компанию в ближайшие несколько столетий, а может быть, и тысячелетий. Вот поэтому нас так мало интересуют сиюминутные вещи вроде политики и экономики, зато мы так искренне любим искусство.

Встает естественный вопрос: сами-то вампиры внесли в искусство какой-то вклад или любовь их исключительно платоническая? Вопрос этот не праздный и совсем не простой.

Можно ли, например, писать картины и быть знаменитым художником, если идут годы, десятилетия, а ты все никак не стареешь? Ясно, что почтеннейшая публика рано или поздно начнет интересоваться этим удивительным феноменом и даже задавать разные неудобные вопросы.

Был у нас в XIX веке один дваждырождённый живописец, из англосаксов, звали его Дориан Грей. Мистера Грея тщеславие довело до цугундера: он мечтал остаться в веках как живописец, но при этом вознамерился мозолить глаза своим поклонникам на протяжении многих поколений. Для этого он придумал дику историю, согласно которой все его болезни, пороки и даже возраст отражались на написанном им автопортрете, сам же Дориан Грей оставался юным и прекрасным. Сэр Оскар Уайльд про этого неуклюжего честолюбца

даже книжку написал. Кое-что напутал в своей истории почтеннейший литератор, ну да это и неудивительно. Дело в том, что секрет вечной молодости Дориана Грея крылся во-все не в картине, а в том, что он был вампиром. Когда его неприличная юность стала уж слишком бросаться в глаза, на британском берегу высадился триумвират Первородных, непокорного осудили по всей строгости закона, а господа инквизиторы открутили ему голову. Процесс откручивания оказался долгим и крайне болезненным – так, чтобы впредь была наука всем остальным.

Та же примерно история случилось и с так называемым средством Макропулоса. Когда люди узнают что-то, что не входит в их систему взглядов, они начинают буйно фантазировать. Притом, что реальность проста и обыденна: и Дориан Грей, и Эмилия Марти – просто-напросто вышедшие из повиновения вампиры.

Таким образом, при наличии соответствующих талантов вампир вполне может быть художником, композитором, литератором. Однако тут есть одно простое, но строгое условие: твори, но прячь от людей плоды своего творчества. Таковы правила, и никто не может их нарушать.

Тут естественным образом встает вопрос об образе вампира в изящных искусствах и том, как он менялся на протяжении столетий.

Конечно, мы – точнее, Первородные – до поры до времени старались держать свое существование в тайне. Однако рано

или поздно из мрачных и страшных народных поверий вампиры перекочевали в литературу. Самое удивительное, что неожиданно это оказалось для нас спасением. Мы, выражаясь современным языком, совершили каминг-аут, и тем почти полностью себя обезопасили.

Все дело в том, что средневековые легенды о восставших мертвецах простой народ воспринимал слишком буквально. После появления очередной страшилки за нами начиналась охота – по большей части безрезультатная, но весьма раздражающая. Нас осыпали серебром, били кольями, поливали святой водой, закидывали чесноком – о спокойном и размеренном течении жизни, или, если хотите, смерти, приходилось забыть.

Когда же про нас перестали сочинять легенды, а начали писать книги, сделалось гораздо легче. Во-первых, литература – она и есть литература. Это ведь чистая выдумка, и все понимают, что на самом деле нет ни вампиров, ни оборотней, их просто сочинили досужие авторы. Свой вклад в нашу защиту внесла и наука, которая, как всегда блистательно, доказала, что нас не существует в природе. Тут стоит кое-что уточнить: в природе мы, конечно, не существуем, но есть много чего и помимо природы.

В конце концов, книги и фильмы стали надежной дымовой завесой, за которой совершенно невозможно разглядеть физиономию современного вампира. К слову сказать, свой скромный вклад вносит в это дело и ваш покорный слуга,

когда пишет сей труд. Никто же не думает, что я открою тут все наши тайны, не так ли?

Возвращаясь к теме вампиров-творцов, замечу, что были случаи, когда, выбирая между творчеством и вечной жизнью, вампиры выбирали творчество. Понимая, что публиковаться им нельзя, они отказывались от удивительной и страшной своей природы и возвращались в человеческое состояние. Процесс это довольно трудный, но возможный – при условии, что у вас имеется кровь обратившего вас вампира. Кровь эта, объединившись с другими ингредиентами, начинает действовать как антидот. В результате вампир перестает быть вампиром и возвращается к своему первоначальному состоянию. Правда, сделать это можно лишь в течение года после обращения – если промедлить, изменения становятся необратимыми.

Однако стоит сказать, что, во-первых, такие случаи крайне редки и, во-вторых, обычно держатся в строжайшей тайне. За этим раньше следили Первородные, а в последние десятилетия – Администрация. Тем не менее неясные слухи в виде рассказов и устных свидетельств все же распространяются среди дваждырождённых.

К подобным рассказам относится и история молодого русского поэта Осипа Мандельштама. Согласно легенде, его обратила одна поэтесса, которая была вампиром. Да-да, именно вампиром, а не вампиркой. Мы, дваждырождённые, равно уважаем мужской и женский пол и не приделываем к су-

ществительным пренебрежительных суффиксов. Все эти авторки, редакторки и поэтки не выходят за пределы человеческого мужского шовинизма, который под видом борьбы за равноправие усердно распространяют его агенты, в просторечии называемые фемками. Придуманно как будто бы хитро: если слово поэтка употребляет мужчина – это пренебрежение и шовинизм, а если женщина – это борьба за свои права. На самом деле хитрости эти шиты белыми нитками. Кто-нибудь спросил у женщины, хочет ли она называться бухгалтеркой, директоркой или профессоркой? Разумеется, нет. А все потому, что не о борьбе за права женщин идет тут разговор, а о выполнении темных и отвратительных задач по дискредитации феминизма. Что же касается дваждырождённых, то, на наш взгляд, женщина-вампир ничем не хуже мужчины-вампира, а если кто-то посмеет уничижительно назвать ее вампиркой, тот пожалеет, что появился на свет.

Итак, Осип Мандельштам неожиданно для себя самого стал вампиром. Здесь стоит отметить важный момент: никто заранее не спрашивает у объекта, согласен ли он перейти в категорию бессмертных. Все это устраивается явочным порядком и остается на совести обращающего. Как правило, никто не жалуется; как сказал бы известный политический деятель: жить – лучше, чем не жить. Но случай Мандельштама отличался от прочих. Во-первых, ему казалась дикой и неприемлемой идея пить чужую кровь. Во-вторых, ему не нравилось высокомерие Первородных. И наконец, он,

как всякий христианин, боялся лишиться души. (Тут нужно отвлечься и вспомнить о суевериях смертных, согласно которым у вампиров нет души. Не буду вступать тут в долгие дискуссии, скажу лишь одно: души нет только у тех, у кого ее никогда не было. Таково мое твердое убеждение. Хотя, конечно, страх лишиться души – одна из самых назойливых вампирских фобий).

Но даже не возможная потеря души оказалась последним аргументом. Согласно преданию, Мандельштам взбунтовался окончательно, лишь когда узнал, что теперь стихи его не дойдут до грядущих поколений. Писать их можно, публиковать – нет.

И тогда Осип Эмильевич Мандельштам потребовал либо убить его, либо вернуть к прежнему состоянию. После некоторых размышлений Первородные решили удовлетворить его просьбу и отправить на ту сторону тьмы. Но, как говорят, решение это вызвало сильное недовольство у дваждырождённых, которые, в отличие от Высших, с чрезвычайным пиететом относились к поэзии. Поэтесса же, которая обратила Мандельштама, любила его и пригрозила, что, если ее возлюбленного убьют, она разоблачит все вампирское сообщество.

Это было сказано, вероятно, сгоряча, но заставило задуматься Первородных. Кто поймет женское сердце, тем более если женщина – вампир? Ради возлюбленного такая вполне способна отправить на ту сторону тьмы все мироздание.

Первородные решили не будить лиха, отменили свое первоначальное решение и сделали поэта снова человеком. Предварительно, правда, взяв у него клятву молчать о том, что он узнал, пока был вампиром.

Осип Мандельштам клятву сдержал. Или почти сдержал. Как писала Цветаева, поэта далеко заводит речь. Вот и Мандельштама речь поэтическая завела дальше, чем, вероятно, он сам хотел. В 1917 году он пишет стихотворение, ставшее катехизисом дваждырождённых.

Вот что писал он, прощаясь со своим физическим бессмертием и переходя в бестелесную вечность, в которой навсегда сохранятся его стихи.

*Что поют часы-кузнечик,
Лихорадка шелестит,
И шуриит сухая печка, —
Это красный шелк горит.*

*Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно, —
Это ласточка и дочка
Отвязала мой челнок.*

*Что на крыше дождь бормочет, —
Это черный шелк горит.
Но черемуха услышит
И на дне морском простит.*

*Потому что смерть невинна,
И ничем нельзя помочь,
Что в горячке соловьиной
Сердце теплое еще...*

Литературоведы и историки литературы долго гадали, что это за «ласточка и дочка», о которой говорит поэт, ведь не было у него никакой дочки, да и быть не могло: согласно преданию, он побывал вампиром. А вампиры, как известно, бесплодны, это наша плата за сверхчеловеческое, и плату эту мы платим, даже вернувшись к своему смертному естеству.

Но только вампир знает, что «ласточка» – это символ женщины, которая обращает его в жизнь новую, жизнь вечную. Так, например, на сгибе локтя у Анны вытатуирована маленькая ласточка – это значит, что ей обращен был только один человек, и человек этот – я. Она слишком сильно любила меня, чтобы позволить мне состариться и умереть. Но, обратив меня, она не завоевала моей любви, разве что благодарностью, смешанную, впрочем, с растерянностью и досадой.

Однако вернемся к Мандельштаму.

«Часы-кузнечик» – это предписанный обычному человеку срок жизни. Время это зовется у вампиров песней – поскольку жизнь человека, по сравнению с нашей, мимолетна, беззаботна и непосредственна, люди проживают ее, ничего не зная о подлинном устройстве мира. Они словно бы поют эту жизнь, как очень краткую, но счастливую песню.

«Лихорадка шелестит» – не что иное, как болезненное со-

стояние, которое испытывает человек в ходе превращения в вампира.

«И шуршит сухая печка» – напоминание о самом страшном враге дваждырождённых – огне, перед которым уязвимы и люди, и вампиры.

«Это красный шелк горит». Красный шелк – символ красной человеческой крови, яркой и недолговечной, быстро иссякающей от самой простой раны.

Мыши, которые точат зубами жизни тоненькое дно, – это человеческие обыкновения и привычки, ведущие к смерти, к концу, к невозвратному уничтожению. Остановить этот процесс может только обращение, которое в случае Мандельштама и совершает «ласточка». Она отвязывает челнок смертного, который, будучи человеком, должен был переплыть в нем реку Стикс и исчезнуть в царстве Харона. Теперь челнок его свободен, он волен плыть куда хочет – ему дана новая, невиданная до того свобода для бесконечных странствий в пространстве и во времени.

«Что на крыше дождь бормочет». Дождь – это завеса, разделяющая два мира – видимый человеческий и скрытый от посторонних глаз мир вампиров.

«Черный шелк» – черная кровь дваждырождённого, инобытие, в которое приходит он, пережив человеческую смерть. Однако, в отличие от красного шелка, символизирующего человеческую кровь и человеческую жизнь, черный шелк почти что вечен.

«Но черемуха услышит и на дне морском простит». Чтобы расшифровать эти таинственные строки, мне не хватает знаний. Возможно, впрочем, что речь идет о праматери Лилит, от которой, по легенде, произошли все Первородные вампиры и которая распространяет свою защиту и на нас. Мы, во всяком случае, верим в ее милосердие и помощь.

Последнее же четверостишие не нуждается в толковании, оно понятно и вампиру, и человеку. Так гений прощается с жизнью, прощается со всем, что у него было, чтобы донести истину до человечества, которое, увы, в очередной раз ничего не поймет и ни о чем не задумается.

Некоторые факты указывают на то, что в тайну Мандельштама случайно оказался посвящен другой поэтический гений, которого не задела трансформация. Знал ли он подлинное положение вещей или просто полагался на удивительную свою интуицию, сейчас уже сказать нельзя. Однако много позже, уже после смерти Мандельштама, он написал стихи, которые говорили о судьбе Христа, но, по сути, были посвящены его погибшему брату в поэзии.

*Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь как смертные, как мы...*

Строка «был теперь как смертные, как мы» ясно указывает на то, что сам Пастернак не был обращенным. Но отку-

да, в таком случае, узнал он об обращении Мандельштама, и кто мог рассказать ему об этом, если сам Мандельштам дал клятву молчать? Не исключено, что проговорила та самая поэтесса, которая обратила Мандельштама. Это очень может быть, учитывая, что вскоре после смерти самого Мандельштама она тоже погибла при загадочных обстоятельствах – вероятно, поработала Инквизиция.

Так, за размышлениями, я незаметно доехал до нужной станции. Девушка с Шекспиром в руке, которая ехала напротив, вышла чуть раньше меня, о чем, признаюсь, я немного пожалел.

Став дваждырождённым, я провел небольшую инспекцию своих привязанностей и пристрастий и понял, какие именно женщины меня привлекают. Конечно, первым делом мужчина обращает внимание на яркую внешность, и тут уж некуда деваться, так устроена сама природа. Но самое интересное происходит позже, и спустя короткое время мы уже не видим внешности, а видим что-то иное – а именно самую суть человека. Как раз эта самая суть и делает возможным долгое совместное существование людей. В противном случае мы, как животные, всякий раз бросали бы прежнюю девушку ради новой – чуть более молодой и чуть более длинноногой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.